

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

«ДРЯХЛЕЮТ ПАРКИ ВЕКОВЫЕ»: ОБРАЗ ПАРКА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

© 2020 г. М.С. Акимова

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 03 мая 2019 г.

Дата публикации: 25 марта 2020 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-178-193

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 18-18-00129)*

Аннотация: В статье рассмотрены два образа, характерные для русской усадебной поэзии XIX — начала XX вв., — «аллея» и «заросли», их своеобразие, особенности, соотношение и функции. Аллеи — один из излюбленных образов русской поэзии. Тому есть несколько причин: слово «аллея» благозвучно и являет собой гармонию формы и содержания; аллея является усадебной реальией и при этом метафизична: в процессе бытования и исторических коллизий образ аллеи претерпевает изменения, углубляется (несет в себе целый комплекс значений: место свиданий, размышлений, воспоминаний, символ дороги жизни, воспроизведение мира и др.), начинает соотноситься с усадебным миром в целом, с его амбивалентными характеристиками. Аллея в парке — английском или французском — предстает как средство гармонизации природной и рукотворной составляющих, как победа человека над хаосом. К началу XX в. в поэзии все чаще встречается образ заросшего, заброшенного парка, отличный от элегических образов «естественной запущенности» сада, нередких и в поэзии XIX в. В этом факте, по-видимому, находят отражение и реальные наблюдения поэтов (в газетах печатались извещения о торгах и аукционах; о запустении усадеб писали журналы начала XX в., например, «Столица и усадьба» и др.), и их предчувствия наступления хаоса. Олицетворяя собой усадьбу, ее жизнь, в поэзии аллея олицетворяет и смерть усадьбы — через физическое, «человеческое» уничтожение или «нечеловеческое», природное зарастание.

Ключевые слова: усадьба, аллея, сад, парк, усадебная поэзия, русская поэзия.

Информация об авторе: Мария Сергеевна Акимова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: 0000-0001-6051-3949

E-mail: makanja@list.ru

Для цитирования: Акимова М.С. «Дряхлеют парки вековые»: образ парка в русской поэзии XIX — начала XX вв. // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 1. С. 178–193.
DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-178-193

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

“DECREPIT CENTURY-OLD PARKS”: THE IMAGE OF THE PARK IN THE RUSSIAN POETRY OF THE 19TH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

© 2020. M.S. Akimova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: May 03, 2019

Date of publication: March 25, 2020

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project № 18-18-00129).

Abstract: The article considers two images typical of the Russian manor poetry of the 19th – early 20th centuries – the “alley” and the “thickets,” their originality, features, correlation and functions. The alley is one of the favorite images of Russian poetry. There are several reasons for this: the word “alley” is euphonious, showing the harmony of form and content; the alley is a manor reality, yet at the same time it is metaphysical: in the process of everyday life and historical conflicts the image of the alley undergoes changes, deepens (carries a whole complex of meanings: a place of meetings, reflections, memories, a symbol of the road of life, a reproduction of the world, etc.), begins to relate to the manor world as a whole, with its ambivalent characteristics. The alley in the park – whether it is French or English – appears as an instrument of creating harmony of the natural and the man-made, the victory of the human over chaos. The article shows that by the beginning of 20th century, the image of the overgrowth is more and more often used in poetry, and this image is different from the elegiac images of naturally neglected parks often used in poetry of the 19th century. This fact apparently reflects actual observations of poets (newspapers published notices of auctions; the desolation of estates is described in the magazines of the early 20th century, for example, in *Capital and Estate*, etc.), and the feeling of the coming Apocalypse. By personifying the estate and its life, the alley in poetry also personifies the death of the estate through physical, “human” destruction or “inhuman,” natural overgrowth.

Keywords: manor, alley, garden, park, manor poetry, Russian poetry.

Information about the author: Maria S. Akimova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0001-6051-3949

E-mail: makanja@list.ru

For citation: Akimova M.S. “Decrepit Century-Old Parks”: The Image of the Park in the Russian Poetry of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 1, pp. 178–193. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-178-193

Человек гуляет по аллеям уже на протяжении многих столетий. Одно из достижений древнеримской цивилизации, имеющее поначалу только практическое, прежде всего военное, назначение (защита от солнечных лучей и снежных заносов, помощь в ориентации при непогоде, разграничение участков, материал для военного строительства и др.) [4], аллеи со временем получили широкое распространение и широкий функционал. Аллеям суждена была долгая жизнь в пространстве культуры: они испытывали культурные влияния (классицизма, сентиментализма, барокко, модерна) и, в свою очередь, влияли на культуру, находя отражение в изобразительном искусстве. Аллеи «прижились» и на почве русской культуры (в ландшафтной архитектуре, живописи, литературе).

«Если из лексики русской словесности — мемуаристики, художественной прозы, стихотворной лирики — постараться извлечь несколько ходовых слов, наиболее полно вобравших в себя, начиная с XVIII в., историко-культурные смыслы усадебной темы, то среди них, безусловно, окажется аллея» [13, с. 250]. Аллея, являясь обязательной частью парка, сада с момента его появления, становится неперенным элементом образа усадьбы в русском сознании и русской культуре, одним из ее символов. «Ты помнишь ли, Мария, / Один старинный дом / И липы вековые / Над дремлющим прудом? / Безмолвные аллеи, / Заглохший, старый сад, / В высокой галерее / Портретов длинный ряд?» — перечисляет основные атрибуты, константы усадебной культуры А.К. Толстой в стихотворении «Ты помнишь ли, Мария» (1840-е гг.). Столь значительное внимание русской поэзии к аллее объяснимо в немалой степени тем, что «большинство липовых аллей в дворянских усадьбах (именно этому дереву отдавалось предпочте-

ние знати) было посажено в конце XVIII — начале XIX века, соответственно, под их сенью выросли многие наши поэты» [11, с. 93], которые воспели, романтизировали аллею, сделали ее таинственным спутником влюбленности, местом тайных встреч, а потому — ретроспективно — и воспоминаний: «Я был опять в саду твоём, / И увела меня аллея / Туда, где мы весной вдвоем / Бродили, говорить не смея» (А.А. Фет, 1857). Сад, как пишет Д.С. Лихачев, «это сфера исторического времени, сфера воспоминаний и поэтических ассоциаций» [8, с. 178]. Аллея «воплощает красоту природы, очерчивает пространственный континуум развития сюжета либо становится “свидетелем” любовных и дружеских коллизий в жизни хозяев усадеб» [11, с. 93]. «Аллея может обозначать топографическую характеристику местности, особенности планировки садово-паркового ансамбля, но может быть и в тесной ассоциативной взаимосвязи с такими понятиями, как уединение, душевное самопогружение» [13, с. 250]. Аллея как часть усадьбы противопоставлена городу. Кроме того, «исконная функция аллеи — вести и приводить к чему-либо» [6, с. 59], аллея является дорогой и получает соответствующие коннотации: такие параметры, как длина и глубина аллеи, вызывают ее дополнительные характеристики — ассоциацию с дорогой жизни, с судьбой. «В аллею тополей с дрожащими листьями, — / В аллею, где вдали так страшно и темно» смотрит героиня стихотворения А.А. Фета «Вчера, увенчана душистыми цветами...» (1855), и образ вечерней, темной аллеи здесь усложняется мотивом неизвестности будущего, можно сказать, становится символом жизни. Нечто подобное, с оттенками смыслов, наблюдается в стихотворении А.А. Блока «В тихий вечер мы встречались» (1910), где выбранный цветовой колорит усиливает трагическую, бытийную подоплеку пейзажа: «Ясным заревом алея, / Уводила вдоль пруда / Эта узкая аллея / В сны и тени навсегда»; позже, в середине XX в., символическим образом аллеи-пути воспользуется в «Липовой аллее» (1957) и наследующий традицию Б.Л. Пастернак: «Под липами, как в подземелье, / Ни светлой точки на песке, / И лишь отверстием туннеля / Светлеет выход вдалеке». А «темные аллеи» имеют целый комплекс сложных ассоциаций: как пишет А. Орлов, «аллеи в произведениях И. Бунина потому и темные, что наполнены движением разнообразных чувств, эмоций, влечений, раздумий, поступков. <...> Аллеи становятся символом памяти героев, а также катализатором их духовной и жизненной силы, своеобразным нравственным испытанием и поводом для раздумий о смысле

бытия в целом» [II, с. 96]. Такова разнообразная семантика образа аллеи в поэзии, его потенциальный функционал.

За аллеей в поэзии закрепился шлейф многообразных характеристик, но наиболее востребованными, в свете семантики и функционала образа, оказались аллеи *темные, меркнувшие, спящие, дремлющие, немые, безмолвные, заветные, густые*.

Образ аллеи встает перед глазами, подразумевается даже тогда, когда само слово не названо, а вместо него есть некая описательная конструкция: «В саду *под сенью лип* домашней» (А.С. Пушкин, «П.А.О***», 1825), или «И *под навесами ветвей* / Напрасно взор кого-то ищет» (А.А. Фет, «Я был опять в саду твоём», 1857), «*Под сень* этих дубов могучих / И трепетных белых берез...» (А.Н. Плещеев, «Былое», 1882), «*в пролете между лип*» (В.В. Набоков, «Машенька», 1926) (курсив мой. — М.А.).

И тем не менее поэты любили употреблять слово *аллея*. Осмелимся предположить, что в русской поэзии любовь к аллеям обусловлена не только семантическим родством с усадьбой, поэтическим ореолом аллеи, но и благозвучием слова. В слове «аллея» (фр. allée, от глагола aller — «идти») фонетически и образно заключена продолжительность аллеи, неспешность прогулки (за счет смягченного удлинненного л, продолженного йотированными гласными, расположенными по соседству). Поэтому отчасти так любимо русской поэзией словосочетание «липовая аллея»: эти аллеи — тенистые, душистые — были, во-первых, самыми излюбленными и многочисленными (хотя аллеи бывали самыми разнообразными: липовыми, еловыми, березовыми, тополиными, акациевыми, сиреневыми, розовыми), но и, во-вторых, прекрасно ложились на язык; впрочем, как и «аллея тополей»: «В аллею тополей с дрожащими листьями» (А.А. Фет, «Вчера, увенчана душистыми цветами...», 1855), «То разрастаясь, то слабея, / Гром за усадьбой грохотал, / Шумела тополей аллея, / На стекла сумрак набегал» (И.А. Бунин, «Соловьи», 1892). Слово «аллея» — это соответствие формы слова его содержанию в высшей степени, проявление лингвистической синестезии. Пожалуй, подобное соответствие можно найти еще в слове «колонна» (нечто фундаментальное, круглое, протяженное). Об этом явлении уже позже, в 1980 г., напишет Б. Ахмадулина в стихотворении «Сад»: «Я вышла в сад, но глушь и роскошь / живут не здесь, в слове: “сад”. / Оно красю роз возросших / питает слух, и нюх, и взгляд. / Просторней слово, чем окрестность: / в нем хорошо и

вольно, в нем / сиротство саженцев окрепших / усыновляет чернозем». И здесь же у Ахмадулиной выявлено понимание того, что «вышла в сад» — это особый знак, и необязательно, как это ни парадоксально, выходить в сад, чтобы выйти в сад: «Я вышла в сад», — я написала. / Я написала? Значит, есть / хоть что-нибудь? Да, есть, и дивно, / что выход в сад — не ход, не шаг. / Я никуда не выходила. / Я просто написала так: / “Я вышла в сад”...» (стихотворение, судя по всему, отсылает к северянинскому «Выйди в сад» 1909 г.).

Русская поэзия с удовольствием приняла в свой активный словесный запас слово «аллея». Оно имеет хороший потенциал к рифмовке, что подтверждает и разнообразие ее вариантов, встречаемых в русской поэзии. Помимо напрашивающейся «аллея» — «алея», которую использовал А.А. Блок: «Ясным заревом алея, / Уводила вдоль пруда / Эта узкая аллея / В сны и тени навсегда» («В тихий вечер мы встречались», 1910) и — иронично — Д.Д. Минаев в «Каламбурах»: «Снею я дошел до сада / И прошла моя досада, / И теперь я весь алею, / Вспомнив темную аллею», или используемой М.И. Цветаевой и А.А. Ахматовой: «В темный час, когда мы все лелеем, / И душа томится без людей, / Во дворец по меркнувшим аллеям / Я иду от белых лебедей» (М.И. Цветаева, «Принц и лебеди», 1910) и «Смуглый отрок бродил по аллеям, / У озерных грустил берегов, / И столетие мы леем / Еле слышный шелест шагов» (А.А. Ахматова, «В Царском Селе», 1911, с мощной звукописью), «Безмолвные аллеи, / Заглохший, старый сад, / В высокой галерее / Портретов длинный ряд» (А.К. Толстой, «Ты помнишь ли, Мария», 1840-е гг.), «Тянулся за рекою дол, / Спокойно, пышно зеленея; / Вблизи шиповник алый цвел, / Стояла темных лип аллея» (Н.П. Огарев, «Была чудесная весна», 1842), «Я был опять в саду твоём, / И увела меня аллея / Туда, где мы весной вдвоем / Бродили, говорить не смея» (А.А. Фет, «Я был опять в саду твоём», 1857), «То разрастаясь, то слабея, / Гром за усадьбой грохотал, / Шумела тополей аллея, / На стекла сумрак набегал. <...> Когда же, медленно слабея, / Дождь отшумел и замер гром, / Ночь переполнила аллеи / Благоуханьем и теплом» (И.А. Бунин, «Соловьи», 1892), «Дворянских гнезд заветные аллеи, / Забытый сад, полузаросший пруд. / Как хорошо, как все знакомо тут! / Сирень, и резеда, и ипомеи, / И георгины гордые цветут...» (К.Д. Бальмонт, «Памяти Тургенева», 1893), «И ночь, сходящую в аллею, / Сквозь эту рдяную листву, / Назвать я сумраком не смею, / Но и зарей — не назову!» (К.М. Фофанов, «Аллея осенью», 1896), «Давно он [сад] поредел, —

и звездное сиянье / Белеет меж ветвей. / Иду я медленно, — и мертвое молчание / Царит во тьме аллей» (И.А. Бунин, «Плеяды», 1898), «Теперь все тихо. По аллее / Лишь жаба, волочась, ползет / Да еж проходит осторожно... / И все бессильней, все грустнее / Сгибаются столбы ворот» (В.Я. Брюсов, «В полях забытые усадьбы», 1911); в поэзии середины XX в., наследующей классической поэзии: «Там липы в несколько обхватов / Справляют в сумраке аллей, / Вершины друг за друга спрятав, / Свой двухсотлетний юбилей» (Б.Л. Пастернак, «Липовая аллея», 1957), «Там среди стволов еще светлее, / И все похоже на аллею / У царскосельского пруда» (А.А. Ахматова, «Приморский сонет», 1958). Этот ряд может быть продолжен.

Но и не рифмуясь, аллеи очень удачно укладываются в русские стихотворные размеры. Они к месту и в ямбе (в косвенных падежах), и в анапесте, и в амфибрахиях. Не случайно Н.С. Гумилёв в статье «О стихотворных переводах» (1919) писал о том, что амфибрахий, «баюкающий и прозрачный, говорит о покое божественно легкого и мудрого бытия» [5, с. 32].

В поэтическую аллею нас многократно вводит уже А.С. Пушкин. В стихотворении «К Языкову», написанном в Михайловском в 1824 г., аллея как часть усадьбы противостоит городу: «Где, забыв Елисаветы / И двор и пышные обеты, / Под сенью липовых аллей / Он думал в охлажденны леты / О дальней Африке своей...» — пишет поэт о прадеде, Ганнибале, но и о себе. То же противопоставление встретим и в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840): «В аллею темную вхожу я; сквозь кусты / Глядит вечерний луч, и желтые листья / Шумят под робкими шагами». В русской поэзии пребывание в саду, в аллеях предстает как гармоничное, соприродное человеку. Парк представляется живым, созвучным героям, их душевному настрою. Думается, есть в этом, помимо открытий сентиментализма, романтизма и реализма, и отзвуки более древнего фольклорного параллелизма: «А для нас, для нас / В темноте аллей цветы дышали / В этот сладкий час» (И.А. Бунин, «Тихой ночью поздний месяц вышел...», 1918), «И ласково так их [деревьев] вершины, / Казалось, в ответ мне шумят» (А.Н. Плещеев, «Былое», 1882). Очень ярко проявлена эта связь, соприродность человека и сада в поэтической философии Игоря Северянина: «Мои мечты... О, знаешь их ты, — / Они неясны, как намек... / Их понимают только пихты. / А человеку невдомек...» («Письмо из усадьбы», 1910); у него и

«сад одеврен», и «человек, душой одеврен» («Мой сад», 1910); парк, словно человек, шепчет: «Вскоре я не буду... / Но я ведь жил — была пора...» («Что шепчет парк», 1928) и умирает, словно человек: «И парк мой, глубоко-печальный, / Познав превратности судьбы, / Жить перестанет, точно люди...» («Наверняка», 1923); и «о каждом новом свежем пне, / О ветви, сломанной бесцельно, / Тоскую я душой смертельно, / И так трагично-больно мне» («Что шепчет парк», 1928).

Может быть, поэтому в ряде стихотворений только посещение места встреч может окончательно освободить от бывшего чувства: «Но не длить мечту застенчивую / В старый парк пришла я вновь: / Тихой грустью я увенчиваю / Опочившую любовь!» (В.Я. Брюсов, «В том же парке», 1906). В саду, в аллее между человеком и природой складываются особые отношения, отношения свидетельства, причем свидетельства во времени. Изменяясь по временам года и год от года, аллея все же меньше подвержена временным изменениям, чем человек, и потому служит способом измерения времени, сигналом к размышлению о нем, хранителем памяти. Эти функции хорошо проявлены, например, в творчестве А.А. Фета: «А юный лист тогда назло / Нам посылал так мало тени <...> / Теперь и тень в саду темна, / И трав сильней благоуханье...» («Я был опять в саду твоём», 1857), «Густые липы те ж, но заросли слова, / Которые в тени я вырезал искусно, / Хватает за ноги заглохшая трава...» («В саду», 1854). Здесь отмечается мощное влияние пушкинской традиции («Приветствую тебя, пустынный уголок», «Вновь я посетил...»): «Приветствую тебя, мой добрый, старый сад...» (А.А. Фет, «В саду»), «Приветствую тебя, опустошенный дом, / Завядшие дубы, лежащие кругом...» (А.К. Толстой, «Крымские очерки», 1856), «Вы помните прелестный уголок...» (И. Северянин, «Янтарная элегия», 1911, с эпиграфом из Пушкина: «Деревня, где скучал Евгений, / Была прелестный уголок»).

Аллеи, какими бы разными они ни были, в XIX в. по большей части символизируют устойчивость, упорядоченность жизни и быта (и мироздания), структуру — как в стихотворении И.А. Бунина «Дедушка в молодости» (1916): «и звон, / Торжественный и празднично-счастливый, / Напоминал, что в должный срок / Пойдет он по аллеям, где струится / С полей нагретый солнцем ветерок». (Даже имея в виду, что сад часто предстает как место большей свободы, чем пространство дома, в большей степени царство эмоций, все же такое нарушение порядка, как, например, свидание, на

самом деле в рамках сада является частью установленного порядка.) И непременно символизируют гармонию человека и природы. И.С. Тургенев в письме к Г. Флоберу писал: «В аллеях старого деревенского сада, полного сельских благоуханий, земляники, пения птиц, дремотных солнечного света и теней; а кругом-то — двести десятин волнующейся ржи, — превосходно! Невольно замираешь в таком неподвижном состоянии, торжественном, бесконечном и тупом, в котором соединяется в одно и то же время и жизнь, и животность, и бог. Выходишь оттуда как после не знаю какой мощно укрепляющей ванны, и снова вступаешь в колею, в обычную житейскую колею» (цит. по: [9, с. 184]). «В усадьбе, — пишет М.В. Нащокина, — корни наших взаимоотношений с природой — неистребимой любви к своей земле и работе на ней, эмоциональной зависимости от смены времен года. Усадьба неотъемлема от поисков и понимания прекрасного, в том числе красоты русской природы, века усадебного строительства — отражение жизни национального художественного идеала во времени» [10, с. 8].

Мифологема усадьбы — это гармония природного и рукотворного. «Сады и парки — это тот важный рубеж, на котором объединяются человек и природа <...> Сады и парки создают своего рода “идеальное” взаимодействие человека и природы, “идеальное” для каждого этапа человеческой истории» [9, с. 177, 176]. Не случайно аллея осмысливается в теоретических трудах и при проектировании как продолжение или парафраз интерьерного пространства (аллея — своеобразный коридор) и даже как иллюзия дома. И это происходит всегда, независимо от того, какой парк перед нами — английский или французский: «Симметричный принцип, который возобладал в европейских садах начиная с XVI в. и проник в Россию в XVIII в., отражал на самом деле универсальный принцип космической гармонии, воплощая собою мир, созданный Богом “в соответствии с мерой и числом”. <...> то, что впоследствии расценивалось как форма порабощения природы <...>, означало на самом деле <...> веру в человеческий разум, человеческую силу, мыслимые как способ гуманистического сопротивления иррационализма хаоса <...>. Но и противоположный тип садов — сады пейзажные — были нацелены, хотя и по-иному, на то же *воспроизведение мира* в пределах отдельной усадьбы [курсив мой. — М.А.]» [6, с. 22, 24, 35].

Тем симптоматичнее тот факт, что приметы зарастания и запустения в поэзии Серебряного века становятся все ощутимее. Примеры такого

рода многочисленны: «Забытый сад, полузаросший пруд» (К.Д. Бальмонт, «Памяти Тургенева», 1893), «Проросшие клумбы; / Зброшенный дом. / Дворянских фамилий / Облупленный герб; / И — заросли лилий; / И — заросли верб» (А. Белый, «Усадьба», 1903), «Из каменных трещин торчат / проросшие мхи, как полипы» (А. Белый, «Зброшенный дом», 1903), «Томит меня немая тишина. / Томит гнезда родного запустенье. / Я вырос здесь. Но смотрит из окна / Заглохший сад. Над домом реет тлень» (И.А. Бунин, «Над Окой (Запустение)», 1903), «Войди в мой сад... Давно одобрен / Его когда-то пышный вид» (И. Северянин, «Мой сад», 1914), «Мой парк угрюм: в нем много тени; / Сильны столетние дубы; / Разросся он; в траве дорожки; / По сторонам растут грибы» (И. Северянин, «Моя дача», 1914), «Дряхлеют парки вековые / С аллеями душистых лип» (В.Я. Брюсов, «В полях забытые усадьбы», 1911). Примеры могут быть многократно продолжены.

И это показательно. «В строгой симметрии барочных садов <...> выразилось убеждение в божественном миропорядке, проецируемом в том числе и в сферу сословной иерархии» [6, с. 35]; отголосок времени ощущался и в асимметричных садах; тогда заросли мы можем воспринимать, напротив, как нарушение (миро)порядка, и это предчувствие катастрофы в Серебряном веке было и в зараставших усадьбах. И если дорожка, аллея может быть воспринята как «переход от хаоса к космосу» [6, с. 51], то зараставшая аллея, получается, — это переход от космоса к хаосу. Это ощущение (вместе с ощущением темноты, путаницы — вспомним «темные аллеи») сопровождает усадебную поэзию Серебряного века и завершается революцией и полным разрушением усадьбы.

Тут необходимо оговориться: не все так прямолинейно, как аллея французского парка. В поэзии «золотого века» запущенный сад, зараставшая аллея — тоже излюбленный образ, появляющийся в том числе под воздействием — в литературе — элегии, в ландшафтной архитектуре — английского парка, оказавшегося очень созвучным русскому менталитету, русскому сознанию. «Почти все без исключения русские поэты прошлого века, начиная с Пушкина, описывают русский усадебный парк как “вековой”, “старинный”, “забытый”, “запущенный”... И дело тут не только в традиционной русской лени. Судя по всему, образ старинного полузаросшего парка был близок русскому представлению об идеальном земном саде, который рождает в душе светлую грусть. Грусть о былом, невоплощенном, несбывшемся» [4]: «Но люблю я садик скром-

ный: / Он душе моей милей / Городских садов унылых / С сетью правильных аллей» (А.Н. Плещеев, «Мой садик», 1858), «То был уголок мой любимый / В запущенном старом саду» (А.Н. Плещеев, «Былое», 1882). Образ заросшего сада встречаем уже у А.С. Пушкина, и неоднократно. В романе «Евгений Онегин» в «деревне, где скучал Евгений», «сени расширял густые / Огромный, запущенный сад, / Приют задумчивых дриад» («Евгений Онегин», гл. II), у Лариных садик поскромнее, но тоже зарастающий: «Сейчас отдать я рада / Всю эту ветошь маскарада, / Весь этот блеск, и шум, и чад / За полку книг, за дикий сад, / За наше бедное жилище», и заросли предстают, на контрасте с новой жизнью героини, символом неустроенности быта, но при этом ностальгии по «утраченному раю» (элегия тоскует по идиллии, возможной лишь в воспоминаниях, и это процесс неизбежный и необратимый). Тот же «дикий садик» опишет А.С. Пушкин в стихотворении 1819 г. «Домовому»: «Тебя молю, мой добрый домовый, / Храни селенье, лес и дикий садик мой, / И скромную семью моей обитель! <...> Люби мой малый сад, и берег сонных вод, / И сей укромный огород / С скалиткой ветхою, с обрушенным забором!..» Встречается образ и ранее, скажем, у Г.Р. Державина, с символикой смерти, в традициях элегии: «Что жизнь ничтожная? <...> Разрушится сей дом, засохнет бор и сад, / Не вспомнится нигде и имя Званки» («Евгению. Жизнь Званская», 1807). Русская поэзия XIX в. будет нередко обращаться к образу запущенной, зарастающей усадьбы: «И дом навсегда запустеет, / Заглохнут ступени травой... / И думать об этом так грустно / Среди непогоды ночной!» (А.К. Толстой, «Шумит на дворе непогода», 1840-е гг.), «Безмолвные аллеи, / Заглохший, старый сад <...>» (А.К. Толстой, «Ты помнишь ли, Мария», 1840-е гг.), «Приветствую тебя, опустошенный дом, / Завядшие дубы, лежащие кругом, / И море синее, и вас, крутые скалы, / И пышный прежде сад — глухой и одичалый!» (А.К. Толстой, «Крымские очерки», 1856), «Беседка старая над пропастью видна. / Вхожу. Два льва без лап на лестнице встречают. / Полузатертые чужие имена, / Сплетаясь меж собой, в глазах моих мелькают» (А.А. Фет, «Старый парк», 1853), «Густые липы те ж, но заросли слова, / Которые в тени я вырезал искусно, / Хватает за ноги заглохшая трава <...>» (А.А. Фет, «В саду», 1854); «Вкруг гордых колоннад с старинною резьбой / Ель пышно разрослась, и в зелени густой, / Под сенью древних лип и золотых акаций, / Белеют кое-где статуи нимф и граций. <...> О, где в аллеях спящих /

Красавиц легкий рой, звон колесниц блестящих?» (А.Н. Майков, «Вхожу с смущением в забытые палаты...», 1840).

Как видим, уже в XIX в. образ заросшего парка становится знаком культуры, удобным для определенных функций — свиданий, размышлений, одиночества, ностальгии. Заросшие аллеи если и реалистичны, то в не меньшей степени и метафизичны. Образ запустения в XIX в. нередко идет «изнутри», от эмоции к поэтике. В поэзии XIX в. заросли и запустение чаще суть следование жанру — и, следовательно, тоже некое проявление упорядоченности. Запустение может быть разной природы — например, осеннее: «Почему-то тоскливо, болезненно жаль / Уходящего дня, облетающих лип...» (М. фон Эссен, «В усадьбе»), или же связанное с теми или иными историческими событиями (как в «Крымских очерках» А.К. Толстого). Именно запущенный сад симпатичен русской литературе, так же как близка ей тема маленького человека, и это отдельное направление для размышления.

Любование усадьбой в русской поэзии рубежа XIX–XX вв. тоже имеет место быть и никуда не уходит — вот, скажем, любование осенней аллеей у К.М. Фофанова: «Пышней, чем в ясный час расцвета, / Аллея пурпуром одета. <...> И ночь, сходящую в аллею, / Сквозь эту рдяную листву, / Назвать я сумраком не смею, / Но и зарей — не назову!» («Аллея осенью», 1896) или у И. Северянина: «Вы помните прелестный уголок — / Осенний парк в цвету янтарно-алом?» («Янтарная элегия», 1911).

И все же, ближе к XX в. именно запущенность, заросли в поэзии становятся константой, получают новое развитие и звучание в литературе. *Образ запущенного, заросшего сада, имея все более очевидную реальную подоплеку, обретает более мрачные, чем ранее, тона.*

«Сад давно порос сорняками, как в русской жизни, так и в русской литературе. Только раньше это не воспринималось трагически» [2], — пишет Е.Ю. Виноградова, приводя в пример фрагменты русской прозы XIX в., где сады, заброшенные и никому не нужные, тем не менее поэтичны и прекрасны и не вызывают тягостного чувства: «Я пошел побродить по небольшому, некогда фруктовому, теперь одичалому саду, со всех сторон обступившему флигелек своей пахучей, сочной глушью. Ах, как было хорошо на вольном воздухе, под ясным небом, где трепетали жаворонки...» (И.С. Тургенев, «Живые мощи» [14, с. 238]); «Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад [Плюшкина], выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и

заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своем картинном запустении <...>. Словом, все было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагроможденному, часто без толку, труду человека пройдет окончательным резцом своим природа» (Н.В. Гоголь, «Мертвые души» [3, с. 105–106]) (курсив мой. — М.А.). Действие часто происходит «между заглохшим садом и заросшим двором» (И.С. Тургенев, «Гамлет Щигровского уезда» [14, с. 196]), но «для всей литературы середины XIX в. заросший сад — не обязательно значит заброшенный, осиротелый. Если же сад “обихожен”, то это явный признак процветания и любви к порядку его владельцев» [2]. Начавшееся еще в первой половине XIX в. угасание дворянских усадеб после реформы 1861 г. ускорило и приобрело необратимый характер. Вековая усадебная культура умирала. Б. Зайцев писал: «Кончалась огромная полоса России, все было на пороге нового. Какое будет это новое, никто тогда не предвидел, но что прежнее — барски-интеллигентское, бестолковое, беззаботное и создавшее все же русский XIX век приходило к концу, это многие чувствовали...» [7, с. 497]. Новое поколение увидело, что новый век не стал простым продолжением предыдущего, ощутило «“распавшуюся связь времен” — причину вначале запустения, а затем и гибели сада-дома» [2]. Стал очевидным контраст между идиллической, даже модной запущенностью аллей и фактической заброшенностью зарослей. «Реальности в образе вишневого сада было не меньше, чем символизма» [2].

Если аллея ассоциируется с победой человека над хаосом, гармонией человека и природы, то заросли должны быть восприняты как победа времени, хаоса. Природа побеждает рукотворность, как хаос побеждает гармонию, и поэзия оказалась к этому очень восприимчива: «Дряхлеют парки вековые / С аллеями душистых лип. <...> Над прудом, где гниют беседки, / Выходит месяц, нежит ветки / Акаций, нежит робость струй. / Он помнит прошлые затеи, / Шелк, кружева, на косах сетки, / Смех, шепот, быстрый поцелуй. / Теперь все тихо. По аллее / Лишь жаба, волочась, ползет / Да еж проходит осторожно...» — В.Я. Брюсов в стихотворении 1911 г. «В полях забытые усадьбы» яркими образами и великолепной звукописью рисует запустение, смену одних хозяев и гостей усадьбы другими.

Коль скоро аллея, парк, сад — непременная часть усадьбы, то и судьба их созвучна судьбе усадьбы. «Отцу картофель нужен. / Нам

был нужен сад. / И сад губили» (С.А. Есенин, «Письмо к сестре», 1925; сад в крестьянской усадьбе тоже оказывается наиболее уязвимым); «И, может быть, расскажет старец, / Как много лет тому назад / Графиня ехала в Биарриц / И продала поспешно сад» (И. Северянин, «Мой сад»). Вспомним, как в «Вишневом саде» Петя Трофимов убеждает Аню: «Вся Россия наш сад <...>. Подумайте, Аня: ваши дед, прадед и все ваши предки были крепостники, владевшие живыми душами, и неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов... Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним...» [15, с. 346].

Этот процесс теоретически осмыслил, в частности, А.А. Блок, который в годы революции писал, пытаясь объяснить взгляд Т.Г. Шевченко на древние дубы Диканьки, символизировавшие для него рабское прошлое: «Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мощной, а дураку — образованностью...» («Интеллигенция и революция», 1918) [1, с. 132]; много позже это осмыслил и Д.С. Лихачев по отношению к И.А. Бунину, воспевшему (или отпевшему, по выражению Лихачева) усадьбу: «Аллеи у великого мастера всегда ассоциировались с Россией, ушедшей Россией» [9, с. 183]: не случайно же Бунин берет в название целого, главного своего цикла словосочетание «темные аллеи». И устойчивая дихотомия взгляда на дворянскую культуру проецируется и на усадьбу-сад-аллею.

И коль скоро аллея, сад — символ, воспроизведение мира, то смерть аллеи, сада должна олицетворять и смерть усадьбы. И могут быть два варианта этого умирания — застание или вырубка. Казалось бы, противоположные вещи, но на самом деле просто инварианты: это все об одном, о победе хаоса, о «мерзости запустения», о «тоске пустыни» (И.С. Шмелев): «Я чувствую наверняка — / Ах, оттого и боль сугуба! — / Что прозы подлая рука / Весь этот парк повалит грубо / Когда-нибудь <...> Жить перестанет, точно люди, / И будет гроб ему — пустырь» (И. Северянин, «Наверняка», 1923), «Редет парк, редет глушь. / Редуют еловые кущи... / Он был когда-то леса гуще <...> Попор разнес свой гулкий взмах» (И. Северянин, «Что шепчет парк», 1928); «Старик! Жить дважды невозможно: / Ты вдруг проснешься, пробужденный / Внезапно взвизгнувшей пилой!» (В.Я. Брюсов, «В полях забытые усадьбы», 1911).

Вырубка сада у А.П. Чехова означает конец одной эпохи и начало другой (в газетах печатались извещения о торгах и аукционах: уплывали из рук, шли с молотка старинные поместья и состояния, усадьбы дробились на дачи или медленно разрушались; «конец прекрасной эпохи», умирание усадьбы в ее привычном виде явственно ощущались и проговаривались в литературе и публицистике Серебряного века, например, в журнале «Столица и усадьба»). И это не пустые слова. Я.П. Полонский в воспоминаниях об И.С. Тургеневе в Спасском-Лутовинове («И.С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину», 1884), пронизанных предчувствиями революции, пишет: «Но, если верить постоянным обитателям Спасского и священникам, крестьяне будто бы и за грех не почитают воровать и тащить все съедобное и все, что может идти им на топливо. Им нипочем <...> зимой вырубить в саду все скамейки. Полагают люди опытные, что крестьяне и сад вырубали бы, если бы не боялись ответственности» [12]. Поэтому представляется знаковым тот факт, что в своем имении Мелихово А.П. Чехов силился вырастить вишневый сад (при том, что «моносады» в то время были большой редкостью). Это попытка восстановления гармонии, спасения мира красотой.

Список литературы

- 1 Блок А.А. Собр. соч.: в 7 т. Берлин: Алконост, 1923. Т. 7. 350 с.
- 2 Виноградова Е.Ю. Гибель символа (Вишнёвый сад: реальность и символика) // Новый филологический вестник. 2008. № 6. URL: http://slovorggu.ru/nfv2008_1_6_pdf/16Vinogradova.pdf (дата обращения: 04.04.2019).
- 3 Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 5. 492 с.
- 4 Городнянский А. Русские усадьбы. URL: https://www.greeninfo.ru/landscape/russian_estate.html (дата обращения: 04.04.2019).
- 5 Гумилев Н.С. Соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 3: Статьи. 428 с.
- 6 Дмитриева Е.Е., Куцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 528 с.
- 7 Зайцев Б. Жуковский. Жизнь Тургенева. Чехов. Литературные биографии. М.: Дружба народов, 1994. 542 с.
- 8 Лихачев Д.С. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре / сост., подгот. текста и вступит. статья Д.Н. Бакуна. М.: Российский Фонд Культуры, 2006. 336 с.
- 9 Лихачев Д.С. «Темные аллеи» // Звезда. 1981. № 3. С. 183.
- 10 Нащокина М.В. Русская усадьба Серебряного века. М.: Улей, 2007. 432 с.
- 11 Орлов А. Образ аллеи в творчестве Ивана Бунина // Філологічні науки. 2014. № 17. С. 92–97. URL: <http://dspace.pnpu.edu.ua/bitstream/123456789/4171/1/Orlov.pdf> (дата обращения: 04.04.2019).
- 12 Полонский Я.П. И.С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину. URL: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_1884_turgenev.shtml (дата обращения: 04.04.2019).

- 13 Стернин Г.Ю. Русская загородная усадьба в современных историко-культурных интересах // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. М.: Коло, 1998. Вып. 4 (20). С. 245–252.
- 14 Тургенев И.С. Записки охотника. М.: Наука, 1991. 680 с.
- 15 Чехов А.Л. Собр. соч.: в 8 т. М.: Библиотека «Огонек»; Изд-во «Правда», 1970. Т. 7. 448 с.

References

- 1 Blok A.A. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.] Berlin, Alkonost Publ., 1923. Vol. 7. 350 p. (In Russ.)
- 2 Vinogradova E.Iu. Gibel' simvola (Vishnevyy sad: real'nost' i simbolika) [The Death of the Symbol (the Cherry Orchard: Reality and Symbolism)]. *Novyy filologicheskii vestnik*, 2008, no 6. Available at: http://slovorggu.ru/nfv2008_1_6_pdf/16Vinogradova.pdf (Accessed 04 April 2019). (In Russ.)
- 3 Gogol' N.V. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols.] Moscow, Russkaia kniga Publ., 1994. Vol. 5. 492 p. (In Russ.)
- 4 Gorodnianskii A. *Russkie usad'by* [Russian estates]. Available at: https://www.greeninfo.ru/landscape/russian_estate.html (Accessed 04 April 2019). (In Russ.)
- 5 Gumilev N.S. *Sochineniia: v 3 t.* [Works: in 3 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1991. Vol. 3: Stat'i. 428 p. (In Russ.)
- 6 Dmitrieva E.E., Kuptsova O.N. *Zhizn' usadebnogo mifa: utrachennyy i obretennyi rai* [Life of the Estate Myth: Paradise Lost and Regained]. 2nd ed. Moscow, OGI Publ., 2008. 528 p. (In Russ.)
- 7 Zaitsev B. *Zhukovskii. Zhizn' Turgeneva. Chekhov. Literaturnye biografii* [Zhukovsky. Turgenev's Life. Chekhov. Literary Biographies]. Moscow, Druzhba narodov Publ., 1994. 542 p. (In Russ.)
- 8 Likhachev D.S. *Izbrannoe: mysli o zhizni, istorii, kul'ture* [Selected Works: Thoughts about Life, History, Culture], comp., prepared text and introd. by D.N. Bakun. Moscow, Rossiiskii Fond Kul'tury Publ., 2006. 336 p. (In Russ.)
- 9 Likhachev D.S. "Temnye allei" [Dark Alleys]. *Zvezda*, 1981, no 3, pp. 183. (In Russ.)
- 10 Nashchokina M.V. *Russkaia usad'ba Serebriannogo veka* [Russian Manor of the Silver Age]. Moscow, Ulei Publ., 2007. 432 p. (In Russ.)
- 11 Orlov A. Obraz allei v tvorchestve Ivana Bunina [The Image of the Alley in the Works of Ivan Bunin]. *Filologichni nauki*, 2014, no 17, pp. 92–97. Available at: <http://dspace.pnpu.edu.ua/bitstream/123456789/4171/1/Orlov.pdf> (Accessed 04 April 2019). (In Russ.)
- 12 Polonskii Ia.P. *I.S. Turgenev u sebia v ego poslednii priedz na rodinu* [Turgenev in his Last Visit to his Homeland]. Available at: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_1884_turgenev.shtml (Accessed 04 April 2019). (In Russ.)
- 13 Sternin G.Iu. Russkaia zagorodnaia usad'ba v sovremennykh istoriko-kul'turnykh interesakh [Russian Country Estate in Modern Historical and Cultural Interests]. *Russkaia usad'ba. Sbornik OIRU* [Russian Estate. Collection of the Society for the Study of the Russian Estate]. Moscow, Kolo Publ., 1998, issue 4 (20), pp. 245–252. (In Russ.)
- 14 Turgenev I.S. *Zapiski okhotnika* [Hunter's Notes]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 680 p. (In Russ.)
- 15 Chekhov A.P. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols.] Moscow, Biblioteka "Ogonek"; Pravda Publ., 1970. Vol. 7. 448 p. (In Russ.)